

Problems of public danger of crime

V. N. Kufleva¹

¹Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-618-627

Research article
Full text in Russian

In the study of social danger, it is necessary to distinguish a triad of objects that claim to be considered dangerous: human behavior in general, an individual behavioral act, a specific action or inaction; the physical and social scope of these objects is different, as are the criteria that allow them to be assessed in terms of danger. In this triad of objects, only the danger of the act and the danger of the crime are subject to criminal-legal assessment, while the danger of the crime is a complex object, the assessment of which consists of an assessment of the danger of the act and the danger of the person who committed this act. The danger of an act as a sign of a crime is determined by its objective and subjective features (guilt, motive and purpose), which, expressing the attitude of a person to the values protected by law, ensure a meaningful connection between the personal characteristics of the guilty party and the act he or she has committed. A differentiated assessment of the danger of an act and the danger of a crime is necessary to resolve the fundamental issue of the basis for criminal liability; Only a socially dangerous act can act as such, while the combined assessment of the danger of the act and the personality of the perpetrator serve as the basis for determining the content and form of implementation of criminal liability.

Keywords: crime; socially dangerous act; social danger of crime; social danger of personality; structure of social danger; basis of criminal liability

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kufleva, Valentina N. | E-mail: val_swatch@mail.ru
Cand. Sc. (Jurisprudence), Associate Professor

Проблемы общественной опасности преступления

В. Н. Куфлева¹

¹Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-4-618-627
УДК 343.23

Научная статья
Полный текст на русском языке

В исследовании общественной опасности необходимо различать триаду объектов, претендующих на то, чтобы считаться опасными: поведение человека в целом, отдельный поведенческий акт, конкретное действие или бездействие; физический и социальный объем этих объектов различный, равно как различны и критерии, позволяющие оценивать их с точки зрения опасности. В этой триаде объектов уголовно-правовой оценке подлежит только опасность деяния и опасность преступления, при этом опасность преступления являет собой комплексный объект, оценка которого складывается из оценки опасности деяния и опасности личности, это деяние совершившей. Опасность деяния как признак преступления определяется его объективными и субъективными признаками (виной, мотивом и целью), которые, выражая отношение лица к охраняемым законом ценностям, обеспечивают содержательную связь личностных особенностей виновного и совершенного им поступка. Дифференцированная оценка опасности деяния и опасности преступления необходима для решения принципиального вопроса об основании уголовной ответственности; в качестве такового может выступать исключительно общественно опасное деяние, в то время как совокупная оценка опасности деяния и личности виновного выступают основой для определения содержания и формы реализации уголовной ответственности.

Ключевые слова: преступление; общественно опасное деяние; общественная опасность преступления; общественная опасность личности; структура общественной опасности; основание уголовной ответственности

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Куфлева, Валентина Николаевна	E-mail: val_swatch@mail.ru
	Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии

Общественная опасность преступления – фундаментальная категория уголовного права, одновременно и основа всего российского уголовного права, и главный объект критики. В восприятии и оценке опасности мнения исследователей расходятся – от ее категорического отрицания как лишнего

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

(по крайней мере, для решения прикладных уголовно-правовых задач) признака преступления, доставшегося в наследство от эпохи советского уголовного права, до безусловной апологетики в качестве единственного надежного критерия обособления преступления от иных деяний. Острота и значимость проблемы общественной опасности, с особенной силой проявляющие себя в современный период нарастающей криминализационной практики, возвращения в уголовный закон конструкции административной преюдиции, переоценки роли и значения опасности личности в уголовном праве, актуализируют рассмотрение данного вопроса.

Приступая к анализу проблемы, полагаем необходимым определиться с исходным вопросом, об опасности чего именно должна идти речь. Традиционно в рамках исследования опасности различают общественную опасность преступления и общественную опасность личности преступника. По этому вопросу сформировался вполне устойчивый дискурс. Однако, включаясь в него, необходимо предварительно обсудить, что в данном случае понимается под термином «преступление».

Преступление, гласит закон, – это деяние. Однако термин «деяние» употребляется в УК РФ в двух значениях: и для обозначения преступления как такового, и для характеристики одного из признаков объективной стороны преступления в качестве родового понятия, охватывающего действие и бездействие как внешние формы проявления деяния. Эта полисемия, давно отмеченная в науке, дополнительно осложняется еще одним обстоятельством, связанным с тем, что деяние – это внешне обособленный акт поведения человека, имеющий пространственно-временные, психологические и иные границы, на основании которых необходимо вычленить его из иных актов поведенческой активности человека. В итоге перед исследователем общественной опасности возникает триада объектов, претендующих на то, чтобы считаться опасными: поведение человека в целом, отдельный поведенческий акт, конкретное действие или бездействие. Должно быть очевидным, что физический и социальный объем этих объектов различный, равно как различны и критерии, позволяющие оценивать их с точки зрения опасности.

Самое широкое понятие здесь – «поведение». В современной литературе поведение трактуется как мотивированная социальными побуждениями и опосредованная мыслительными процессами целенаправленная форма активности человека, выстраиваемая в зависимости от ожиданий человека и ценности подкрепления, возможности реализации своих талантов, способностей и потенциала личности [1, с. 257]. В целом можно говорить о том, что поведение есть определенный сложившийся образ взаимодействия человека с окружающей средой, который проявляет себя в устойчивой линии или системе определенных поступков.

Уголовное право, не рискуя встать на позиции общественно опасного состояния личности, которая обнаруживается среди прочего «деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку» (ст. 7 УК РСФСР 1922 г.), не может иметь предметом своей оценки поведение

как таковое. Анализ и оценка поведения – удел социологической и криминологической науки. Именно здесь активно используются понятия «механизм преступного поведения», «предкриминальное поведение», «посткриминальное поведение» и т. п. Право вынуждено искусственно вычленять из общей линии поведения отдельные поступки человека (преступление, совершение административного правонарушения, явка с повинной, возмещение ущерба и т. п.) и делать их предметом своей оценки и реагирования. Для права поведение – всегда и только конкретный поведенческий акт. Не случайно, например, криминологическое законодательство определяет антиобщественное поведение как не влекущие за собой административную или уголовную ответственность действия (выделено нами. – В. К.) физического лица, нарушающие общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц»¹.

По этой причине категорию общественно опасного поведения следует использовать весьма осторожно и в точном соответствии с ее правовым смыслом. Глубокой разработке она была подвергнута в работах В. В. Мальцева [2]. Однако в некоторых источниках апеллирование к его идеям, полагаем, не вполне корректно. Так, В. В. Хилюта, например, со ссылкой на работы В. В. Мальцева пишет: «Определяющим в понимании внешней стороны преступления является не деяние, а поведение»; «общественно опасное поведение обуславливает структуру и содержание уголовного права»; «и в этой плоскости деяние является элементом структуры общественно опасного поведения» [3, с. 139]. В этих рассуждениях остается загадкой, в каком именно смысле термин «поведение» использовал автор. Между тем В. В. Мальцев, критикуя выражение «общественная опасность преступления» с логической и лингвистической точек зрения (как допускающее существование свойства – общественной опасности – отдельно от его предмета – преступления) и призывая к использованию термина «общественно опасное поведение» (как связывающее воедино предмет и его свойство), говорил лишь о том, что именно опасное поведение и может считаться преступлением. Преступление не может не быть опасным, поэтому общественная опасность преступления – логически неточный термин. Преступление есть общественно опасное поведение. Но под поведением В. В. Мальцев понимал строго обособленный акт, никак ни систему поступков человека или образ его взаимодействия со средой [4, с. 62–63].

Весьма четко разграничивал понятия «поведение» и смежные с ним В. Н. Кудрявцев, который, отталкиваясь от широкого понимания поведения как категории, охватывающей различные формы и виды человеческой деятельности, выделял три уровня поведения: телодвижение, действие, операцию. При этом каждый из этих уровней, согласно его мысли, мог претендовать на то, чтобы именоваться поступком. Поступок – «это не следующий уровень поведения, а социальная характеристика уже перечисленных уров-

¹ Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (ст. 2) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26, ч. I, ст. 3851.

ней, при условии, что они имеют общественную значимость», – писал автор [5, с. 9].

Однако, даже ограничивая понятие поведения в праве только отдельными поступками, надо учитывать, что правовое поведение – весьма неоднородный по своей социальной характеристике феномен. Во-первых, с точки зрения уголовного права поведенческий акт (поступок) может быть правомерным и неправомерным. А во-вторых, преступление – лишь один из вариантов неправомерного поведения в уголовном праве (наряду с массой иных, например уклонением от уплаты штрафов, неисполнением обязанностей условно осужденными и пр.) [6, с. 63–68]. В связи с этим из общей массы неправомерных уголовно-правовых поступков следует выделить именно преступления. Единственный внутриотраслевой критерий в данном случае – соответствие совершенного поступка составу преступления, закрепленному в уголовно-правовой норме, и прежде всего наличие в нем признаков описанного в статье действия или бездействия.

Действие или бездействие как признаки объективной стороны преступления (деяние) и преступление как поступок (деяние) – связанные, но не совпадающие полностью феномены. В силу чего закономерным образом не совпадают полностью и параметры их общественной опасности.

Решение вопроса о соотношении преступления-поступка и деяния как части объективной стороны преступления предопределяется общим пониманием состава преступления. В науке, как известно, противостоят друг другу две базовые концепции состава: реальная (объективная) и формальная (нормативистская) [7, с. 70–89]. Не углубляясь в их детальный анализ, заметим, что в интересующем нас аспекте корректное сравнение поступка и деяния возможно лишь при условии, что под деянием как элементом объективной стороны будет пониматься именно структурная часть преступления как элемент его состава в концепции реального состава или как некая фактическая реальность, соответствующая признаку состава в рамках нормативистской концепции состава, иными словами, в любом случае поступок и деяние – это часть и целое. Отсюда закономерный вывод, что общественная опасность преступления и общественная опасность деяния как его части не совпадают полностью; опасность преступления определяется опасностью деяния, но не исчерпывается ею.

Этот тезис, вытекающий по итогам логического анализа, как представляется, не в полной мере учитывается в большой дискуссии относительно критериев оценки общественной опасности. Полагаем, что он в значительной степени игнорируется теми специалистами, которые усматривают такие критерии исключительно в объективных характеристиках совершенного деяния. К примеру, В. С. Прохоров последовательно отстаивал взгляд на общественную опасность как на исключительно объективную характеристику преступления, выражающую, прежде всего, ущерб, причиняемый деянием общественным отношениям [8, с. 23; 9, с. 335–337]. Признак общественной опасности самого действия или бездействия, определяемый его объективными свойствами, а также конкретными условиями места, времени и окружа-

ющей обстановки, действительно необходим. Но не столько для того, чтобы выразить весь масштаб опасности преступления, сколько для того, чтобы подчеркнуть социальное значение этого действия. Одно и то же действие (например, выстрел из пистолета) может иметь статус и подвига, и учебного упражнения, и необходимой обороны, и преступления. «Различное социальное содержание внешне одних и тех же действий приводит ... к различным, подчас противоположным, моральным и правовым оценкам» [10, с. 69].

Вместе с тем общественная опасность деяния – действия или бездействия, будучи принципиально важным его социальным признаком, не исчерпывает представлений об опасности самого этого деяния, ни тем более об опасности преступления в целом. Представление о деянии как исключительно об объективном признаке преступления является условным, искусственно адсорбирующем его от субъективного содержания действия или бездействия. Не случайно, к примеру, Н. С. Таганцев, разделяя идею трехэлементной структуры преступления (объект, субъект, деяние), писал: «При современной конструкции уголовного права, преступление предполагает не только фактическое посягательство на норму в ее реальном бытии, но и выразившуюся в этом посягательстве известную виновность лица. Поэтому, учение о преступном деянии включает в себе два отдела: учение о виновности или о внутренней стороне преступления, и учение о самом преступном действии» [11, с. 1]. Поскольку деяние есть всегда единство его объективных и субъективных признаков, его опасность не может не определяться субъективными характеристиками – мотивом, целью и др. По этой причине убедительной выглядит позиция юристов, которые признают опасность деяния объективно-субъективной характеристикой.

Но даже при таком подходе возникает существенный риск отождествления общественной опасности деяния и общественной опасности преступления как такового. Попыткой устранить такой риск служит подход, который фиксируется в большей части учебных и научных изданий по уголовному праву и согласно которому опасность преступления определяется не только объективными и субъективными признаками собственно действия или бездействия, но и всеми признаками состава преступления. К примеру, Л. А. Прохоров пишет, что общественная опасность преступления есть объективная категория, содержание которой определяют все элементы состава преступления (объект, особенности объективной и субъективной стороны, свойства субъекта) [12, с. 113].

Существенный пафос позиции, связывающей опасность преступления с опасностью деяния (действия или бездействия) либо с наличием в поведении лица всех признаков состава преступления, заключается в том, что из критериев оценки общественной опасности преступления всецело исключается личность лица, совершившего преступление.

Специалисты прямо и отчетливо формулируют эту мысль. «В рассуждениях о критериях общественной опасности преступления, – пишет Ю. Е. Пудовочкин, – важно подчеркнуть, что она зависит от объективных и субъективных признаков самого деяния и обстановки, в которой оно совершается.

Не могут отражаться на содержании и уровне опасности деяния те или иные свойства личности человека, его осуществляющего» [13, с. 26]. «Хотя мотивы и цели лица играют большую роль при оценке общественной опасности совершенного деяния, этого нельзя сказать о личности преступника, – вторит ему Е. В. Елифанова, – характеристики личности преступника влияют на назначенное ему наказание, но не на оценку общественной опасности содеянного им» [14, с. 38].

Эти тезисы прочно закрепились в дискурсе об общественной опасности, которые в известной мере построены на основе идеи противопоставления опасности преступления и опасности личности преступника. Следуя ему, особенности личности преступника не участвуют в формировании общественной опасности преступления.

Между тем этот постулат уголовно-правовой доктрины всегда находился под прицелом критики, а современная законотворческая и правоприменительная практика (в части криминализации деяний с административной преюдицией, установления рецидива преступления в качестве квалифицирующего признака состава преступления) эту критику только актуализирует.

В отечественной науке высказываются суждения о том, что общественная опасность как признак преступления не может быть адекватно понята и оценена вне учета данных о лице, совершившем преступление. При этом отчетливо выделяются три подхода к обоснованию такого решения.

В рамках первого из них опасность личности рассматривается как неотъемлемая предпосылка в механизме совершения преступления, связанная с опасностью преступления через категорию «генезиса». Так, А. И. Марцев писал: «Общественная опасность преступления в значительной мере определяется личностью правонарушителя. ... Главенствующим в образовании и развитии общественной опасности деяния является человек, в сознании которого сформировалась идея о возможности совершения преступления и который предпринимает усилия для реализации этой возможности. ... В основе механизма образования общественной опасности преступления лежит общественная опасность лица, готового совершить преступление. Опасность объекту, на который осуществляется посягательство, опасность деяния (способы, орудия и т. д.) предопределяются субъектом преступления и, как правило, зависят от него. Кроме того, нужно понимать всегда, что общественная опасность преступления есть социальное явление, как и само преступление. А в социуме всегда действуют люди, и развитие социальных явлений, как правило, зависит только от людей, от их воли и сознания» [15, с. 11–12]. Склонялся к этой мысли В. Д. Филимонов, связывая сущность общественной опасности преступления с сущностью его генезиса, который выражается в готовности лица противопоставить свои интересы интересам других лиц, общества или государства, определяющейся и качествами личности, и ее структурой, и мотивами деятельности [16, с. 59–60]. «Деяние, поведение служат только показателем общественной опасности индивида», – заключает И. Гонтарь [17, с. 16–17].

Второй подход заключается в инкорпорации данных об опасности личности в представления об опасности преступления с использованием категории «структура». Так, В. В. Мальцев включал в структуру общественно опасного поведения общественно опасное деяние, общественно опасные последствия и личность виновного с ее общественно опасными свойствами [18, с. 9–10]. Равным образом Ю. А. Демидов «складывает» общественную опасность преступления из общественно опасного деяния (действия или бездействия), общественно опасного последствия и общественной опасности личности виновного [19, с. 68].

Наконец, третий подход основывается на традиции анализа качественных и количественных параметров общественной опасности преступления. В частности, А. В. Бриллиантов пишет, что характер общественной опасности преступления – это свидетельство факта вредоносности и уголовной противоправности самого деяния, а степень опасности – совокупность обстоятельств, ее характеризующих, относящихся к самому деянию, совершившему его лицу, обстоятельствам совершения деяния, причем как тех, что повышают, так и тех, что понижают эту степень. «С данной позиции можно сказать, что свойство вредоносности является объективным свойством правонарушений, в том числе и преступлений, а степень опасности – собирательный объективно-субъективный фактор» [20, с. 23].

Стоит однозначно согласиться с тем, что опасность лица, совершившего преступление, не может и не должна игнорироваться законодателем и судом при разработке и реализации средств уголовно-правового регулирования, поскольку, как известно, в конечном итоге такое регулирование направлено именно на лиц, совершивших преступление. Уголовный закон не просто содержит массу подтверждений этого тезиса, но и возводит его в разряд принципиальных положений, закрепляя принципы гуманизма и справедливости.

Однако едва ли это дает основания включать данные об опасности личности в структуру опасности совершенного ею деяния и признавать на этой основе опасность личности частью признака общественной опасности преступления и тем более обосновывать само понятие преступления ссылками на общественную опасность личности. Между тем именно такой подход, как представляется, был предложен С. А. Пашиным, который, отрицая объективность свойства общественной опасности преступления, выделяет особую роль суда в определении преступления. Он пишет: «Преступление – это признанное судом в соответствии с материальным или процессуальным правом нарушение, когда суд находит целесообразным возложить на нарушителя специфические меры ответственности, позволяющие лишь при условии признания лица преступником» [21, с. 87]. Если первая часть определения («преступление есть признанное судом нарушение») хотя и дискуссионная, но укладывается в рамки представленного ранее подхода к пониманию преступления, сформулированного И. Я. Гонтарем, то вторая его часть – «преступление есть нарушение, за которое суд возлагает ответственность» не только не укладывается в общую логику права (сначала – преступление, затем – ответственность), но и подрывает сами основы

правового регулирования и принципы взаимодействия законодательной и судебной власти. По сути, предлагается считать преступлением только то деяние, которое заслуживает наказания по мнению суда. Но такое мнение основывается не только на данных об опасности деяния, но и данных об опасности личности. Тем самым личность инкорпорируется в структуру опасности преступления и, как следствие, в структуру основания уголовной ответственности. Совершенно справедливо Т. В. Кленова, критикуя такой подход, пишет: «Абсолютизация формально-юридической трактовки преступления приводит сначала к признанию приоритетного значения признаков запрещенности и наказуемости в определении преступления, потом наказуемость наделяется самостоятельным значением и «переворачивается» ряд фундаментальных понятий уголовного права: преступление, уголовная ответственность, уголовное наказание, – с установлением исходным понятием не преступления, а уголовного наказания. Таким образом, создается концептуальная основа для признания уголовного наказания субъективным основанием как криминализации, так и квалификации преступлений, что снимает барьеры для судейского усмотрения и сопряжено с эффектом исчезающей достоверности решений по уголовным делам» [22, с. 22].

Возвращаясь к выделенной ранее триаде – опасность поведения, опасность преступления, опасность деяния, стоит подчеркнуть, с учетом проведенного анализа, что в качестве признака преступления наука и практика должны рассматривать не общественную опасность вообще, без указания на ее источник (а именно в этом, на наш взгляд, кроется источник всех теоретических споров), а только общественную опасность совершенного лицом деяния, определяемую его объективными и субъективными признаками. Именно общественная опасность деяния – признак преступления и суть основание уголовной ответственности. То, что в науке традиционно именуется общественной опасностью преступления, на самом деле следует воспринимать как комплекс «опасность деяния + опасность личности», необходимый для справедливого разрешения уголовно-правового конфликта. Важно подчеркнуть, что это именно комплекс самостоятельных (хотя и связанных друг с другом) видов опасности, каждому из которых присуща своя функция в механизме уголовно-правового регулирования: опасность деяния формирует основание уголовной ответственности; опасность деяния в совокупности с опасностью личности определяет содержание и форму таковой. Попытки интегрировать данные об опасности личности в структуру опасности деяния методологически несостоятельны, приводят к смешению источников опасности и вносят путаницу в рассуждения о механизме уголовно-правового регулирования.

Ссылки

1. Давлетбаева З. К. Теоретические взгляды зарубежных авторов на понятие «поведение» // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 10. С. 249–258.
2. Мальцев В. В. Общественно опасное поведение в уголовном праве. М.: Юрлитинформ, 2014. 646 с.

3. Хилюта В. В. Общественная опасность деяния и деятеля в административной преюдиции // *Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы XIV Российского конгресса уголовного права* (М., МГУ им. М. В. Ломоносова, 30 –31 мая. 2024 г.). М.: Юрлитинформ, 2024. С. 138–143.
4. Мальцев В. В. Курс российского уголовного права. Общая часть: в 4 т. Т. 3: Преступление. Книга 1: Категория «преступление» в уголовном праве. М.: Юрлитинформ, 2017. 520 с.
5. Кудрявцев В. Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. 287 с.
6. Кропачев Н. М. Уголовно-правовое поведение и общественные отношения // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 1984. № 2. С. 63–68.
7. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика. М.: Проспект, 2014. 352 с.
8. Прохоров В. С. Преступление и ответственность. Л.: Изд. Ленинград. ун-та, 1984. 136 с.
9. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. Н. М. Кропачева, Б. В. Волженкина, В. В. Орехова. СПб.: Издательский Дом С.-Петерб. гос. ун-та, Изд-во Юридического факультета С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. 1064 с.
10. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М.: Гос. издат. юрид. лит., 1960. 244 с.
11. Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая. Кн. 1: Учение о преступлении. Вып. 2. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1878. 324 с.
12. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. М.: Контракт, 2014. 560 с.
13. Пудовочкин Ю. Е. Учение о преступлении: Избранные лекции. М.: Юрлитинформ, 2009. 224 с.
14. Епифанова Е. В. Общественная опасность как научная категория, законодательная дефиниция: история и современность. М.: Юрлитинформ, 2012. 152 с.
15. Марцев А. И. Преступление: социально-правовой анализ: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2012. 75 с.
16. Филимонов В. Д. Генезис преступления: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. 144 с.
17. Гонтарь И. Категория «общественная опасность» в уголовном праве: онтологический аспект // *Уголовное право*. 2007. № 1. С. 16–19.
18. Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М.: Юридическая литература, 1975. 184 с.
19. Мальцев В. В. Проблема отражения и оценки общественно опасного поведения в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1993. 39 с.
20. Бриллиантов А. В. Об общественной опасности деяния и судимости // *Актуальные проблемы теории и практики применения уголовного закона: сборник материалов Пятой Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю. Е. Пудовочкина, А. В. Бриллиантова*. М.: РГУП, 2018. С. 17–26.
21. Пашин С. А. Понимание преступления // *Уголовное право*. 2000. № 3. С. 81–89.
22. Кленова Т. В. О практике квалификации преступлений в свете теории преступления // *Уголовное судопроизводство*. 2023. № 2. С. 19–27.